

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ПОВОЛЖСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО
(КУНСТКАМЕРА)

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ХРОНОЛОГИЯ, ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ, ТРАДИЦИИ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 75-ЛЕТИЮ ВИКТОРА ПЕТРОВИЧА ТРЕТЬЯКОВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 12–16 МАЯ 2015 г.

Санкт-Петербург

2015

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
THE STATE HERMITAGE MUSEUM
SAMARA STATE ACADEMY
OF SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES
PETER THE GREAT MUSEUM OF ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY
(THE KUNSTKAMERA)**

NEOLITHIC CULTURES OF EASTERN EUROPE: CHRONOLOGY, PALEOECOLOGY AND CULTURAL TRADITIONS

**MATERIALS OF THE INTERNATIONAL CONFERENCE,
DEDICATED TO THE 75TH ANNIVERSARY OF VICTOR PETROVICH TRETYAKOV,
MAY, 12 – 16, 2015, ST. PETERSBURG**

St. Petersburg

2015

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН, протокол № 4 от 22 апреля 2015 г.

Оргкомитет конференции:

чл.-корр. РАН, проф. Е.Н. Носов (председатель, ИИМК РАН),

д.и.н. Мочалов О.Д. (сопредседатель, ПГСГА),

к.и.н. В.М. Лозовский (отв. секретарь, ИИМК РАН),

д.и.н. С.А. Васильев (ИИМК РАН), д.и.н. А.А. Выборнов (ПГСГА), к.х.н. Г.И.Зайцева (ИИМК РАН),

к.и.н. Е.М. Колпаков (ИИМК РАН), к.и.н. О.В. Лозовская (ИИМК РАН), к.и.н. В.Я. Шумкин (ИИМК РАН),

к.и.н. А.В. Энговатова (ИА РАН), к.и.н. Г.А. Хлопачев (МАЭ РАН), к.и.н. Д.В. Герасимов (МАЭ РАН),

А.Н. Мазуркевич (Государственный Эрмитаж), Е.С. Ткач (технический секретарь, ИИМК РАН)

Рецензенты д.и.н. Березкин Ю.Е., к.и.н. Гаскевич Д.Л.

Ответственные редакторы: к.и.н. Лозовский В.М., к.и.н. Лозовская О.В., д.и.н. Выборнов А.А.

Организация конференции и издание материалов осуществлены
при поддержке РФФИ, проект № 15-06-20194-г

Н 522 Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию В.П. Третьякова. Под редакцией В.М. Лозовского, О.В. Лозовской, А.А. Выборнова. — СПб.: ИИИМК РАН, 2015. — 304 с.

Сборник содержит материалы международной конференции, приуроченной к 75-летию видного специалиста в области исследования неолита и энеолита Восточной Европы В.П.Третьякова (1940–1985). В сборнике представлены статьи, затрагивающие проблемы изучения неолитических и энеолитических культур на широком территориальном фоне от Зауралья до Фенноскандии. Рассматриваются вопросы, связанные с радиоуглеродным датированием, палеогеографическими реконструкциями и другими аспектами неолитоведения.

УДК902/904

ББК 63.4

СИНКРЕТИЗМ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ РУБЕЖА НЕОЛИТА — БРОНЗОВОГО ВЕКА В ВЕРХНЕМ ПОНЕМАНЬЕ (НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКА ДРОЗДЫ 12)

Зуева А.В.¹, Ашейчик В.В.²

¹ *Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)*

² *Институт истории НАН Беларуси (Минск, Беларусь)*

Исследователи, занимающиеся изучением особенностей рубежа неолита — бронзового века Верхнего Понеманья, неоднократно затрагивали проблемы выделения и интерпретации локальных археологических таксонов. Многие авторы солидарны в том, что в III — начале II тыс. до н.э. регион представлял собой зону взаимодействия нескольких культурных традиций: «лесной неолитической» (неманская культура), «центральноевропейской» (КША и ККШК¹), а также традиций, происходящих из Верхнего Поднепровья (СДК) (Szmyt, 1999; Крывальцэвіч, 2001; Лакіза, 2008; Зуева, 2011). Специалисты предполагают, что в результате разнообразных культурных процессов складывались специфические региональные группы, которые не являлись гомогенными культурными образованиями, а представляли собой сложные структуры, образованные целым рядом культурных течений, традиций и компонентов (Крывальцэвіч, 2001; Лакіза, 2008).

Новые свидетельства культурного синкретизма, имевшего место на рубеже неолита — бронзового века в Верхнем Понеманье, были получены при раскопках памятника Дрозды 12 Столбцовского района Минской области (рис. 1:А).

Поселение Дрозды 12 расположено в 3,7 км на северо-запад от г. Столбцы. Оно локализуется на небольшом пойменном песчаном всхолмлении на левом берегу реки Неман. Памятник был выявлен в 2005 г. М.М. Чернявским. В 2012–2014 гг. экспедиция Белорусского государственного университета под руководством авторов статьи проводила стационарное изучение поселения. На протяжении трех сезонов раскопок была вскрыта площадь в 127,5 м². Полученный в ходе исследований материал позволяет выделить ряд культурно-хронологических горизонтов в существовании поселения: от раннего мезолита до средневековья. Эпоха позднего неолита — начала бронзового века представлена материалами, прежде всего керамикой, неманской культуры и ККШК. Кроме того, в одном из объектов, изученных на площади раскопок, было выявлено погребение этого времени.

Могильная яма, форма которой в плане приближалась к прямоугольнику, была вытянута по линии северо-за-

пад — юго-восток (рис. 1:В). На уровне фиксации (0,5–0,55 м от дневной поверхности) длина объекта достигала 3,45 м, а ширина варьировалась от 1,6 до 1,85 м. В северной и южной частях объекта прослеживались аморфные выступы, которые являлись результатом позднейших нарушений могильной ямы. На уровне базовой поверхности (глубина 0,65–0,7 м) контуры ямы приобрели четкие очертания прямоугольника размером 2,1×1,1 м. Дно ямы зафиксировано на глубине 0,7–0,75 м от уровня дневной поверхности. В поперечном сечении объект имел форму, близкую к прямоугольнику с закругленными углами.

Вдоль двух коротких и одной длинной сторон могильной ямы были отмечены углистые полосы, которые, наиболее вероятно, являлись остатками деревянных обкладок стенок погребения. При этом для обкладки использовалось предварительно обожженное дерево. Следы разведения огня в объекте не отмечены.

В заполнении могильной ямы, по всей ее площади, встречались мелкие фрагменты кальцинированных костей. Кремация проводилась на стороне.

Погребальный инвентарь состоял из горшка, поставленного в юго-восточном углу погребения, а также одного каменного и девяти кремневых артефактов, размещенных вдоль западной стенки могилы (рис. 1).

Горшок плоскодонный, с высокой слегка отгнутой наружу шейкой и сравнительно крутым изгибом в месте перехода плечика в придонную часть. В тесто сосуда добавлена мелкая дресва. Внешняя и внутренняя поверхности несут следы притирания травой. Горшок украшен композицией, состоящей из горизонтальных рядов «трубчатого» орнамента, в месте перехода шейки в брюшко разделенных широкой прочерченной бороздой.

Каменный артефакт, найденный в погребении, — сверленный топор клиновидной формы.

Кремневый инвентарь представлен шлифованным топором трапециевидной формы анфас и прямоугольным в поперечном сечении, четырьмя треугольными наконечниками стрел с глубокой подтреугольной выемкой в основании, двумя ножевидными орудиями, изготовленными на регулярной пластине и первичном пластинчатом отщепе, и двумя отщепами без ретуши, которые, вероятнее всего, были получены в процессе производства нуклеидных орудий.

Характерные черты захоронения, выявленного на поселении Дрозды 12, — грунтовое погребение, возведение

¹ В тексте использованы следующие сокращения: КША — культура шаровидных амфор, КШК — культура шнуровой керамики, ККШК — круг культуры шнуровой керамики, СДК — среднеднепровская культура.

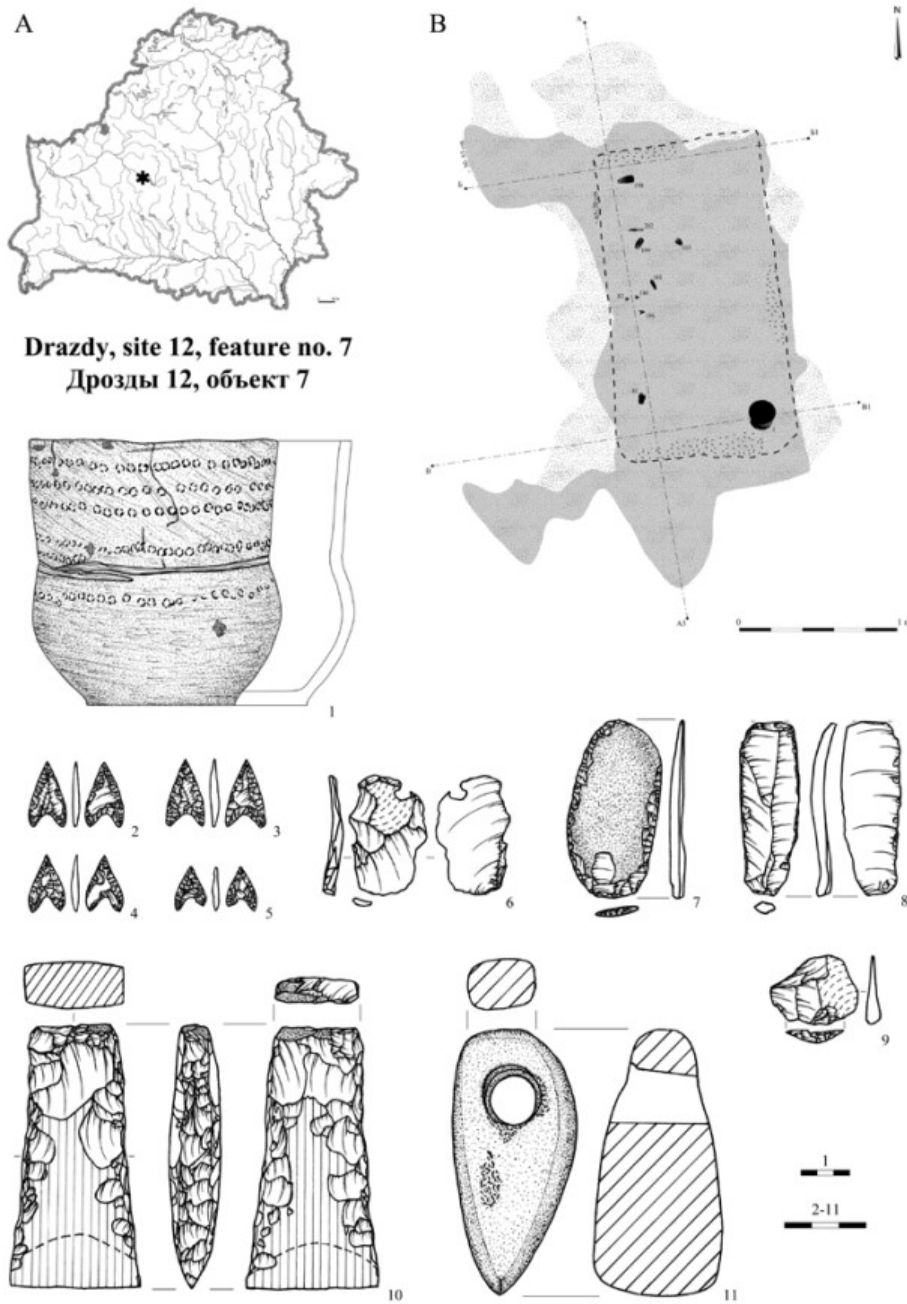

Рис. 1. Дрозды 12, Столбцовский район (Беларусь). Локализация памятника (А), план объекта 7 (В) и погребальный инвентарь: 1 – кубок (инв. № 1); 2–5 – наконечники стрел (№№ 82, 180, 186, б/н); 6, 9 – отщепы без ретуши (№№ 81, 103); 7, 8 – ножевидные орудия (№№ 199, 181), 10 – кремневый топор (№ 202), каменный топор (№ 198). Рисунок А.В. Зуевой, компьютерная обработка В.В. Ашейчика.

Fig. 1. Drazdy, site 12, Stoŭbcy district (Belarus). Location of the site (A), plan of feature no. 7 (B) and grave goods: 1 – beaker (inv. no. 1); 2–5 – arrowheads (nos. 82, 180, 186, w/o no.); 6, 9 – unretouched flakes (nos. 81, 103); 7, 8 – knives (nos. 199, 181), 10 – ground flint axe (№ 202), shaft-hole stone axe (№ 198). Drawing by A. Zuyeva, computer design by V. Asheichyk.

в могильной яме деревянной конструкции, использование некоторых категорий погребального инвентаря (высокого горлого сосуда — кубка, кремневого и каменного сверленого топоров, наконечников стрел и др.) — соответствуют традициям КШК, в т.ч. среднеевропейских групп (см., напр.: Machnik, 1966; Włodarczak, 2006; Matuszewska, 2011). Обряд, по которому было совершено погребение в Дроздах (кремация), в среднеевропейских группах КШК встречается в единичных случаях (Włodarczak, 2006. S. 59; Matuszewska, 2011. S. 69). Для Верхнего Понеманья такой обряд не является необычным — остатки кремации содержали по крайней мере два из семи ранее известных в регионе «шнуро-

вых» погребений (Чарняўскі, 1997. С. 307–310; Лакіза, 2008. С. 78–89). Аналогии в локальных комплексах ККШК имеют тип, форма и ориентация, а также некоторые особенности состава инвентаря рассматриваемого погребения (помещение в могилу сосуда, кремневого и каменного сверленого топоров, наконечников стрел, ножевидных орудий). Отмечаются в регионе и погребения с дополнительными деревянными конструкциями, однако сооружения, которые были бы идентичны выявленному в Дроздах 12, на других памятниках зафиксированы не были (Лакіза, 2008. С. 78–89).

Значительное сходство прослеживается между чертами погребения, найденного в Дроздах 12, и особенностями за-

хоронений СДК. К схожим признакам следует отнести тип погребения, специфику деревянной конструкции, элементы погребального обряда (кремация на стороне, помещение в могилу схожего по составу инвентаря) (Артеменко, 1967. С. 128–135; Калечиц, Крывальцэвіч, 1997. С. 291–297; Крывальцэвіч, 2006. С. 38, 51).

Характерные черты керамики, каменного и кремневого артефактов из Дроздов 12 также находят соответствия в комплексах различных культур. Горшок из Дроздов по своей макроморфологии имеет сходство с сосудом, выявленным в погребении 11 могильника СДК Прорва 1 (Крывальцэвіч, 2006. С. 34. Мал. 35: 1). Технологические признаки горшка имеют аналогии в верхнеднепровских материалах СДК (Калечиц, Крывальцэвіч, 1997. С. 293), однако они полностью соответствуют и особенностям керамики локальной группы памятников ККШК (ср.: Чарняўскі, 1997. С. 308; Лакіза, 2008. С. 101–103, 147–150). «Трубчатый» орнамент, которым украшен сосуд, относится к числу основных признаков КША (Szmyt, 1999. P. 121. Fig. 5). Фрагменты посуды с таким орнаментом неоднократно идентифицировались и в комплексах ККШК Понеманья (ср.: Лакіза, 2008. Табл. 8: 1; Зуева, 2011. С. 14–15), и в материалах СДК в Верхнем Поднепровье (ср.: Szmyt, 1999. Fig. 45: 10; Зуева, 2011. С. 13–14). Именно для последней из названных культур характерно зафиксированное на горшке из Дроздов разделение орнаментальной композиции на две зоны в месте максимального сужения сосуда (ср.: Machnik, Bagińska, Koman, 2009. S. 180).

Кремневый шлифованный топор, найденный в Дроздах, соответствует типу IV по классификации П. Влодарчака. Такие топоры встречаются, в частности, в погребениях КШК в Малопольше (Włodarczyk, 2006; Libera, 2009).

Наконечники стрел из погребения в Дроздах аналогичны артефактам, найденным в некоторых погребальных комплексах СДК в Верхнем Поднепровье (Прорва 1, Ходосовичи-Мошка, Ходосовичи-Сергеева Грива) и на Сандокежской низменности в юго-восточной Польше (Млодун-Законте) (Крывальцэвіч, 2006. Мал. 50: 13–18; Артеменко, 1964; Machnik, Pilch, 1997). Подобные формы также встречаются в погребениях КШК в Малопольше (Włodarczyk, 2006. S. 29). Происхождение главной отличительной черты, выделяющей эти наконечники из массива схожих треугольных форм, — глубокой выемки — следует искать в среде степных культур Северного Причерноморья (ср.: Razumov, 2011). Возможность адаптации культурных образцов, сложившихся в степной и лесостепной полосе Восточной Европы, населением СДК уже обсуждалась в литературе (ср.: Крывальцэвіч, 2006. С. 94–97).

Сравнительно-типологический анализ позволяет датировать погребение второй половиной III тыс. до н.э.

Компоненты погребальной обрядности захоронения, найденного на поселении Дрозды 12, соответствуют признакам трех культурных традиций: локальных групп памятников ККШК, СДК и КША. Стоит отметить, что обе «шнуровые» традиции зафиксированы и в поселенческом контексте рассматриваемого памятника. Среди полученных в 2012–2013 гг. материалов определено около 70 фрагментов керамики локальных комплексов ККШК, а также 2 обломка посуды с типичным для СДК «паркетным» орнаментом.

Особенности открытого и закрытого комплексов из Дроздов 12 в целом соответствуют культурной специфике региона. Так, исследователями неоднократно отмечалось присутствие элементов СДК в материалах отдельных поселений и погребений локальных групп ККШК (Чарняўскі, 1997. С. 309; Мал. 111: 5; Крывальцэвіч, 2001. С. 269; Лакіза, 2008. С. 150–155. Мал. 31: 1). В коллекциях многих понеманских памятников как поселенческого, так и погребального характера фиксировались также артефакты, сочетающие черты КШК и КША (Szmyt, 1999; Крывальцэвіч, 2001. С. 269; Лакіза, 2008. С. 147–150; Зуева, 2011. С. 14–15).

Присутствие в Верхнем Понеманье названных культурных традиций — результат сложных межкультурных процессов, механизмы и динамика которых еще только ожидают своего детального изучения. На современном этапе исследований установлено, что появление в регионе синкретических «шнурово»-«амфорных» материалов могло происходить в результате разнообразных культурных ситуаций: как вследствие прямого взаимодействия местных групп населения, так и опосредованным путем. Одним из возможных посредников в распространении традиций КША могла быть СДК, носители которой, вероятно, в конце III тыс. до н.э. появились на рассматриваемой территории (Szmyt, 1999; Крывальцэвіч, 2001; Лакіза, 2008; Зуева, 2011).

Определение причин, обусловивших своеобразие культурного развития региона, требует проведения дальнейших исследований.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Неоценимую консультационную помощь в ходе анализа материала и подготовки текста статьи оказал авторам старший научный сотрудник Института истории НАН Беларуси к.и.н. Николай Николаевич Крывальцевич, за что мы хотели бы высказать ему свою искреннюю признательность.

ЛИТЕРАТУРА

Артеменко И.И. 1964. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ с. Ходосовичи Гомельской обл. БССР // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М.: Наука, С. 31–87.

Артеменко И.И. 1967. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М.: Наука, 134 с.

Зуева А.У. 2011. Культура шарападобных амфар на тэрыторыі Беларусі і яе роля ў развіцці супольнасцяў III — пачатку II тыс да н.э.: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук. Мн.: ІГ НАНБ, 24 с.

Калечиц А.Г., Крывальцэвіч М.М. 1997. Сярэдняднепроўская культура // Археалогія Беларусі: у 4 т. Т. 1: Каменны і бронзавы вякі / Адк. рэд. М.М. Чарняўскі, А.Г. Калечиц. Мн.: Беларуская навука, С. 291–304.

Крывальцэвіч М.М. 2001. “Шнуравы гарызонт” на Беларусі: праблемы ідэнтыфікацыі і генезіса // Od neolityzacji do początków epoki brązu. Przemiany kulturowe w międzyreczu Odry i Dniepru między VI i II tys. przed Chr. / Red. J. Czebreszuk, M. Kryvalcevič, P. Makarowicz. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, S. 259–275.

Крывальцэвіч М.М. 2006. Могільнік сярэдзіны III — пачатку II тысячагоддзяў да н.э. на Верхнім Дняпры — Прорва 1. Мн.: ІГ НАНБ, 202 с.

Лакіза В.Л. 2008. Старажытнасці позняга неаліту і раняга перыяду бронзавага веку Беларускага Панямоння. Мн.: Беларуская навука, 343 с.

Чарняўскі М. М. 1997. Культура шнуравой керамікі Панямоння // Археалогія Беларусі: у 4 т. Т. 1: Каменны і брон-

забы вякі / Адк. рэд. М.М. Чарняўскі, А.Г. Калечыц. Мн.: Беларуская навука, С. 307–311.

Libera J. 2009. Czy siekiery krzemienne mogą być wyznacznikami kultury amfor kulistych? // *Hereditas praeteriti: Additamenta archeologica et historica dedicata Ioanni Gurba Octogesimo Anno Nascendi* / pod red. H. Taras i A. Zakościelnej. Lublin: UMCS, S. 169–179.

Machnik J. 1966. *Studia nad kulturą ceramiki sznurowej w Małopolsce*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 266 s.

Machnik J., Bagińska J., Koman W. 2009. Neolityczne kurhany na Grzędzie Sokalskiej w świetle badań archeologicznych w latach 1988–2006. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 319 s.

Machnik J., Pilch A. 1997. Zaskakujące odkrycie zabytków kultury środkowodnieprzańskiej w Młodowie-Zakąciu

koło Lubaczowa, w woj. przemyskim // *Sprawozdania Archeologiczne*. T. 49. S. 143–170.

Matuszewska A. 2011. *Kultura ceramiki sznurowej na Dolnym Nadodrzu*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 309 s.

Razumov S.M. 2011. Flint Artefacts of Northern Pontic Populations of the Early and Middle Bronze Age: 3200 — 1600 BC (based on burial materials) // *Baltic-Pontic Studies*. Vol. 16. Poznań: Adam Mickiewicz University, 325 p.

Szmyt M. 1999. Between West and East. People of the Globular Amphora Culture in Eastern Europe: 2950-2350 BC. // *Baltic-Pontic Studies*. Vol. 8. Poznań: Adam Mickiewicz University, 349 p.

Włodarczak, P. 2006. *Kultura ceramiki sznurowej na Wyżynie Małopolskiej*. Kraków: IAiE PAN, 346 s.

SYNCRETISM OF CULTURAL TRADITIONS AT THE TURN OF THE NEOLITHIC AND BRONZE AGE IN THE UPPER NEMAN BASIN (THE CASE OF DRAZDY 12 SITE)

Zuyeva A.V.¹, Asheichyk V.V.²

¹ *Belarusian State University (Minsk, Belarus)*

² *Institute of History of NAS of Belarus (Minsk, Belarus)*

Coexistence and mixing of different cultural traditions during the 3rd — the beginning of the 2nd millennium BC in the upper Neman basin has been repeatedly discussed by a number of researchers. We revealed new evidences on the issue in the course of excavations at the multi-period settlement of Drazdy 12. The site is located on a sandy hillock on the left bank of the Neman river, 3,7 km to the northwest of town of Stoŭbcy (Minsk region, Belarus). We excavated here an area of 127,5 m² in 2012–2014.

One of the explored features (feature no. 7) was a flat grave containing cremation burial. The rectangular pit was oriented along the NW – SE line. Carbonaceous remnants of lining of side walls with wooden planks were recorded. Cremated bones and grave goods were placed on the floor of the pit (0,65–0,70 m bellow contemporary day surface). The set of grave goods consists of ceramic flat-bottomed beaker ornamented with “bird feather” pattern, shaft-hole stone axe, ground flint axe, four heart-shaped arrowheads, two knives (retouched regular blade and retouched primary blade-like flake), two unretouched flakes. On the basis of typological criteria we date the burial back to the second half of the 3rd millennium BC.

Burial custom recorded at the site and traits of certain grave goods bound up with three cultural traditions: of local groups of the Corded Ware Culture Circle, Middle Dnieper Culture and Globular Amphora Culture. Materials of the both Corded Ware traditions are present in a habitational context of the site as well.

Peculiarities of materials from Drazdy 12 fit in general with regional specifics. Presence of above-mentioned traditions in the upper Neman basin results from cross-cultural interactions of complicated and still unclear character. Mechanisms and dynamics of these processes require further detailed study. It seems that occurrence of syncretic materials may have been the result of various cultural situations: direct interaction of mentioned communities as well as indirect transmission of cultural traditions components. It was previously assumed by some researchers that people of Middle Dnieper Culture might penetrate into the upper Neman basin at the end of the 3rd millennium BC. Mentioned culture may be an intermediary in distribution of some Globular Amphora cultural traits as well. Sources that we have revealed at the Drazdy 12 site corroborate these hypotheses.